

Ю. М. ЧУРБАНОВ

Мой тесть Леонид Брежнев¹

<Фрагменты>

<...> Все знают, что Леонид Ильич и Виктория Петровна, его супруга, имели квартиру на Кутузовском проспекте. Это пять или шесть комнат с обычной планировкой. Шум, гам — за окном обычная московская жизнь. Что и говорить, здесь не было необходимых условий для полноценного отдыха, поэтому свою московскую квартиру Леонид Ильич не любил и бывал здесь крайне редко, всего пять-шесть дней в году. В Подмоскowie, в Одинцовском районе, у него была государственная дача. Он жил на ней круглый год. Пройдет время, и в самом конце 70-х годов Леониду Ильичу предложат новую благоустроенную квартиру на улице Щусева. Конечно, тут было лучше, чем на Кутузовском проспекте, центр рядом, всего несколько минут езды, но то ли Леонид Ильич был однолюб, то ли еще что, — он посмотрел новую квартиру и сказал, что она для него чересчур большая. Скорее всего, она просто не понравилась ему своей казенностью, что ли, я не знаю. А квартира на Кутузовском была скромнее: это обычный московский дом старой постройки, потолки что-то около трех метров, комнаты в среднем 25–30 метров: столовая, небольшой рабочий кабинет, спальня, гостиная... Обслуживающий персонал — всего три человека: повар, готовивший пищу под руководством Виктории Петровны (она всегда подсказывала, что Леонид Ильич любит больше всего и как это получше приготовить), официантка и уборщица. Охраны здесь не было, она помещалась внизу, на первом этаже. В самом подъезде кроме семьи Брежневых и Юрия Владимировича Андропова, который жил двумя этажами ниже, были квартиры министров, партийных и советских работников, причем разного ранга, — то есть это не был дом Брежнева, это был обычный дом № 26, расположенный на Кутузовском проспекте. Здесь, в этой квартире, у Леонида Ильича была хорошая библиотека и такая же, если не больше, находилась и на его даче.

Сколько же было публикаций об этой даче Генерального секретаря! Вся беда в том, что я, например, не видел ни одной фотографии к этим публикациям. А кто-нибудь их видел? Интересно, почему бы не показать? Ведь Леонид Ильич жил не на какой-нибудь супердаче: это был обычный трехэтажный кирпичный дом с плоской крышей. Наверху располагалась спальня Леонида Ильича и Виктории Петровны, они все время предпочитали быть вместе, и когда Леонид Ильич 10 ноября 1982 года принял смерть, Виктория Петровна спала рядом; небольшой холл, где он брился (сам, но чаще приглашая парикмахера). На втором этаже две или три спальни для детей, очень маленькие, к стати говоря, от силы 9–12 метров с совмещенным туалетом и ванной. Мы спали на обычных кроватях из дерева. Внизу жилых комнат не было, там находились столовая, рядом кухня и небольшой холл. На третьем этаже Леонид Ильич имел уютный, но совсем крошечный кабинет. Там же была библиотека. Обычно он отдыхал здесь после обеда, и никто не имел права ему мешать. Всех посетителей Леонид Ильич принимал в основном на работе. На дачу приезжали только близкие товарищи, это было довольно редко, обычно гости собирались к ужину и разъезжались, как правило, часов в десять, в половине одиннадцатого, но не позже. Леонид Ильич старался жить по строгому распорядку, мы знали этот распорядок, и его никто не нарушал. В одиннадцать он уже спал. Леонид Ильич ложился с таким расчетом, чтобы проснуться не позже девяти.

На всю дачу приходился один видеомагнитофон и один телевизор — советского производства, по-моему, «Рубин». Леонид Ильич всегда очень внимательно смотрел программу «Время», а потом уходил спать. На первом этаже был кинозал, в нем стоял бильярд, на котором Леонид Ильич почти не играл, — но это не кинотеатр, именно кинозал, где Леонид Ильич обычно смотрел документальные фильмы. Он их очень любил, особенно фильмы о природе.

В доме был бассейн, где-то метров пятнадцать в длину, а в ширину и того меньше — метров шесть. Утром Леонид Ильич под наблюдением врачей делал здесь гимнастику. Рядом с домом был запущенный теннисный корт, на нем никто не играл, и он быстро пришел в негодность, зарос травой.

Правда, весь дачный участок занимал довольно большую территорию, но не больше, чем у других членов Политбюро: после работы и в выходные дни Леонид Ильич очень любил пройтись по свежему воздуху. За пользование государственной дачей с него так же как и со всех, высчитывали деньги, не знаю, сколько, но знаю, что за нее платили, так как Виктория Петровна, которая распределяла бюджет семьи, иногда «докладывала»: «Все в поряд-

ке, за дачу я заплатила на полгода вперед». На что Леонид Ильич посмеивался: «А как же, ведь мы здесь живем, платить-то надо». Разумеется, деньги платились и за квартиру на Кутузовском проспекте.

<...>

* * *

<...> Официально своим преемником Леонид Ильич никого не называл. Он, как я уже говорил, не собирался умирать. Но если он и думал о преемнике, то это был именно Андропов. Многие из нас уже тогда понимали: если с Леонидом Ильичом что-нибудь случится, к власти придет именно этот человек. Суслов лишь номинально являлся вторым лицом партии. Он не мог быть Генеральным секретарем ЦК КПСС, Леонид Ильич — другие товарищи в Политбюро — никогда бы этого не допустили. И не случайно, конечно, что, когда Суслов скончался, главным идеологом партии стал именно Андропов. Это было мудрое решение. Да и по тому «раскладу», который сложился в Политбюро после смерти Леонида Ильича, предпочтение было бы отдано либо Андропову, либо Устинову. А Черненко на пост Генерального секретаря ЦК КПСС тогда просто не претендовал. <...> Если же говорить об Андропове, то Леонид Ильич абсолютно ему доверял, может быть, даже чуть больше, чем другим членам Политбюро, хотя Дмитрий Федорович Устинов и Андрей Андреевич Громыко тоже пользовались у него искренней симпатией. Со своей стороны Юрий Владимирович платил Леониду Ильичу тем же и ничего от него не скрывал, держал его в курсе — я это знаю — по всем наиболее важным позициям.

<...>

Я думаю, что пройдет время и история, конечно, еще скажет свое объективное слово. Очень может быть, что мы еще многое пересмотрим из того, что движет нами сейчас, еще не раз оглянемся в прошлое, чтобы спросить себя, как все-таки мы прожили те годы, все ли было «в застое», как нам сегодня об этом говорят. Время воздаст справедливость.

Вспомним мы и Леонида Ильича Брежнева. Количество статей о Леониде Ильиче в последнее время не уменьшилось, наоборот, их стало больше. Пусть робко, но зато сейчас все чаще и чаще высказываются уже не такие однозначно-отрицательные оценки, как это было в первые годы перестройки. Тем не менее, голос людей, которые действительно знали Леонида Ильича и в силу служебной необходимости видели, как он работает, все еще звучит очень осторожно. Правда пробивается по капле. Ведь кто в основном пишет о Леониде Ильиче? Только журналисты. Это они у нас знают

все на свете, все абсолютно. Есть публикации, которые — сразу скажу — вызывают лишь чувство отвращения. С ними я спорить не буду. О них нельзя говорить всерьез. В других статьях есть, наверное, какие-то крупинцы правды, но они, эти крупинцы, все равно густо смешаны с разного рода догадками, слухами или просто сплетнями, часто выходящими за границы здравого смысла. Ну о чем, скажем, говорить, если даже такой человек, как Борис Ельцин «вспоминает» в своей книге «Исповедь на заданную тему», что Брежнев был не в состоянии сам наложить резолюции на разного рода служебные бумаги? И это пишет Ельцин — кто же, как не он должен отвечать за свои слова! А таких бумаг, естественно, великое множество, они наверняка сохранились в архивах, их можно посмотреть. Кто же работал за Брежнева, если не сам Брежнев? С другой стороны, нынче такое время, когда хорошо или — хотя бы! — уважительно говорить о Леониде Ильиче... как бы это помягче сказать... не модно, что ли. Нет такой газеты или журнала, которые хотели бы сейчас идти вразнобой. Так как же призвать людей к объективности? Что я могу сделать? Наверное, только одно: поделиться своими личными воспоминаниями и впечатлениями о Леониде Ильиче, сделав все возможное, хотя это и не просто, конечно, чтобы отойти от того, что принято называть «родственными чувствами».

Когда в 1964 году Леонид Ильич Брежнев был избран Первым секретарем ЦК партии, я работал инструктором в аппарате ЦК ВЛКСМ. <...>

Это имя — Леонид Ильич Брежнев — в то время мне мало что говорило. То есть я знал, разумеется, что это один из руководителей страны, но — не более того. Вернувшись в Москву, я подробно прочитал в газетах о состоявшемся Пленуме ЦК КПСС и лаконичную — в газетном изложении — биографию нового лидера партии. Не могу сказать, что тема смены руководства вызвала у меня прилив какого-то энтузиазма и вдохновения: в то время ударным фронтом комсомола были кукуруза, разведение птицы и кроликов, то есть мы все больше интересовались какими-то конкретными делами, чем самой политикой. К Никите Сергеевичу Хрущеву у меня тоже не было — и не могло быть — какого-то уж совсем негативного отношения, так что в нашей среде октябрьский Пленум ЦК КПСС не вызвал какого-то изумления или тем более потрясения. Да и во всей стране, я думаю, тоже.

Очень трудно, конечно, давать сейчас какую-то человеческую оценку всей жизни Леонида Ильича в кругу семьи. Но вспоминая наше общение в стенах его дома, можно уверенно сказать, что это был очень хороший семьянин, человек с мягким и добрым

характером, с большой любовью относившийся к своим близким. Он всегда радовался, если по субботним, воскресным или праздничным дням на дачу приезжали дети и внуки, находил для них время, знал, чем и как они живут, их настроения и проблемы. Несмотря на то, что это были дети и внуки Генерального секретаря ЦК КПСС, у них, как и у всех людей, тоже, конечно, появлялись свои проблемы, служебные или не так уж часто — семейные неурядицы, но Леонид Ильич и Виктория Петровна о них знали и, если могли, всегда старались помочь, дать какой-то добрый совет. Если же кто-то из детей или внуков вдруг провинился, и все это приобретало огласку, то Леонид Ильич всегда спрашивал очень строго, и взбучка бывала. Ну, какие это могли быть проступки? Допустим, кто-то нарушил правила дорожного движения или, скажем, высокомерно повел себя с сотрудниками ГАИ — Леонид Ильич обо всем этом быстро узнавал, как это делалось, мы знали, и от него доставалось на «полную катушку». Впрочем, если говорить о внуках, то я не помню, честно говоря, чтобы они позволяли себе развязный образ жизни и были возмутителями спокойствия: ребята всегда держались в определенных «рамках» и воспитывались довольно строго. Несколько раз, по-моему, Леонид Ильич и Виктория Петровна бывали на днях рождения у своего сына Юры. А вот у нас с Галей он не был ни разу. Виктория Петровна иногда, хотя и редко, приезжала к дочери, а он нет. Может, мы не очень настойчиво приглашали, может быть, это совпадало с его нездоровьем, но факт есть факт: у нас он никогда не был. Зато Леонид Ильич иногда навещал внуков. Если это были семейные праздники, он обычно дарил какой-то подарок, говорил слова приветствия, немного общался с гостями и уезжал. Визиты к родственникам носили, конечно, очень короткий характер, но это и понятно: ведь когда-то надо было и отдыхать.

Наверное, можно сказать, что Леонид Ильич был вспыльчивым человеком. Это случалось. Но не в кругу семьи. Когда мы с женой приглашались на дачу или, скажем, во время совместного отдыха в Крыму, я не помню каких-то вспышек или размолвок с его стороны. Иной раз он комментировал свои впечатления от общения с кем-то, когда по-доброму, когда в резкой форме, если его собеседник оставил неприятное впечатление, — но Леонид Ильич всегда очень быстро отходил или сразу же переключался на другую тему. В этом плане ему, конечно, была присуща и определенная культура. Во всяком случае он неплохо владел собой и умел держать себя в руках.

В общем, Леонид Ильич был широким человеком. Вот, я думаю, почему его в какой-то степени раздражал Михаил Андреевич

Суслов с его вечным педантизмом и претензиями на всезнайство. Над Сусловым часто подсмеивались, причем не только у нас дома, но и в кругу членов Политбюро. Суслов, скажем, несколько десятков лет подряд носил одно и то же пальто — и я помню, как в аэропорту, когда мы то ли встречали, то ли провожали Леонида Ильича, он не выдержал и пошутил: «Михаил Андреевич, давай мы в Политбюро сбросимся по червонцу и купим тебе модное пальто». Суслов понял, купил пальто, но в калошах, по-моему, так и ходил до самой смерти. Из всех членов Политбюро он был единственным человеком, кто по Москве ездил только со скоростью 40 километров в час, об этом все знали, но Михаил Андреевич всегда спокойно отвечал, что Суслов и при такой скорости никогда и никуда не опаздывает. Однажды, я помню, кто-то из нас спросил: «Леонид Ильич, Суслов хотя бы раз в жизни ездил на охоту?» Находясь в хорошем расположении духа, Леонид Ильич часто бывал настоящим артистом. Тут он вытянул губы и, пародируя речь Михаила Андреевича, протянул: «Ну что вы, это же о-чень... о-пасн-о...» Вот такая легкая была ирония.

Разъезжая с такой скоростью, Суслов, конечно, никогда не попадал в аварии, а вот у Леонида Ильича с его любовью к машинам и к скоростям — «какой же русский не любит быстрой езды» — какие-то легкие аварии случались, когда он сам садился за руль. За пределами Москвы как-то раз была авария посерьезнее, но не с «ЗИЛом» Леонида Ильича, а с машиной сопровождения. Сам Леонид Ильич за 70 лет часто садился за руль. Он очень любил скоростные иностранные машины. Весь мир знал об этой страсти и многие лидеры западных стран — Брандт, Никсон и другие — дарили ему именно машины. На «мерседесе» он почти не ездил, а вот машину, которую подарил Никсон, очень любил, считая, что она крайне удобна в управлении. Ездил он действительно быстро, вот тут уж Рой Медведев не ошибается: Леонид Ильич имел хорошие навыки в управлении автомобилем, это пришло к нему от службы в Забайкальском военном округе, где он был танкистом. А как-то раз — я помню — он сам рассказывал мне, что в условиях войны ему тоже довольно часто приходилось бывать за «баранкой».

Когда мы прилетали в Крым, он всегда сам садился за руль, но не своего большого «ЗИЛа», конечно, а иномарки, специально туда доставленной. И рядом с ним был не начальник охраны, как полагалось по инструкции, рядом с ним сиделась Виктория Петровна, постоянно говорившая своему супругу только одно: не надо ездить быстро. К ее советам и просьбам Леонид Ильич обычно прислушивался. Вот так, около двух часов, мы добирались

до Ялты — в курортных зонах не может быть организованной толпы, никого, как говорится, специально «не сгоняли», но люди узнавали Леонида Ильича, тепло приветствовали, желая хорошего отдыха. Вот так мы и шли по трассе: впереди машина ГАИ, потом охрана, затем иномарка с Леонидом Ильичом и Викторией Петровной, а за ними — мы с Галей. Что и говорить, любил Леонид Ильич садиться за руль, очень любил! Случалось, что на охоте он сам ездил и на «газике», и на «уазике», но обычно начальник охраны вставал, что называется «стеной», не пуская его за руль, и уж когда совсем было нельзя, Леонид Ильич уступал их настойчивым просьбам.

Он ничего не боялся. У Леонида Ильича никогда не было «двойников», — как это сейчас пишут в газетах, более того: из двух «ЗИЛов», бронированного и небронированного (в народе их не очень удачно, по-моему, окрестили «членовозами»), Леонид Ильич обычно выбирал тот «ЗИЛ», который «полегче», потому что у бронированного был чуть хуже ход. Да он и не думал никогда, что на него кто-то станет покушаться. И никаких покушений на жизнь членов Политбюро в 70-е, так же как и первой половине 80-х годов, не было. Светлана Владимировна, жена Щелокова, никогда не стреляла в Юрия Владимировича Андропова, руководитель Белоруссии Петр Миронович Машеров действительно погиб в автомобильной катастрофе (я об этом еще скажу), а Ф. Д. Кулаков, А. А. Гречко, Д. Ф. Устинов, А. Я. Пельше и другие члены высшего руководства страны умерли своей смертью. Тем не менее одно покушение на жизнь Леонида Ильича действительно, судя по всему, было. Уже здесь, в колонии, мне попала на глаза большая публикация об этом инциденте в журнале «Смена». Она, по-моему, так и называлась «Покушение».

Да, такой случай был. Во второй половине 60-х годов во время встречи героев-космонавтов, точнее, в тот момент, когда праздничный кортеж машин въезжал на территорию Кремля, по одной из них — той самой, где были космонавты Терешкова, Николаев и, кажется, Береговой, было совершено несколько выстрелов. Кажется, этот террорист, Ильин, проник в Кремль, чтобы действительно убить Генерального секретаря ЦК КПСС. Но дело в том, что Брежнев и сопровождавшая его машина охраны въезжали на территорию Кремля через другие ворота. А вот почему в таком случае этот человек стрелял в космонавтов, причем с близкого расстояния (то есть он хорошо видел, в кого полетят пули), для меня — загадка. Неужели ему все равно было, кого убивать? Тогда Брежнев тут ни при чем. Я-то всегда считал, что этот человек был сотрудником милиции, и только здесь, из публикаций «Смены»,

я узнал, что он, оказывается, не имел к органам внутренних дел никакого отношения, что он служил в армии и имел звание лейтенанта. Остается невыясненным только одно: как же все-таки Ильин проник на территорию Кремля, пройдя — пусть даже и в милицейской форме — через достаточно плотные кордоны тех служб, которые отвечали за общественную безопасность². У меня осталось твердое впечатление, что это была незапланированная акция: покушавшегося тут же арестовали, и по заключению авторитетной медицинской комиссии этот человек был помещен не в следственный изолятор КГБ СССР, а в психиатрическую лечебницу, где он находится, как пишут, и по сей день. Газеты тут же дали сообщение ТАСС об этом «провокационном акте»; кроме того, Москва — это такой город, где люди всегда и так все знают, однако какого-то большого резонанса этот инцидент все-таки не вызвал. Никогда Леонид Ильич о нем не рассказывал и не вспоминал. А если я у него спрашивал: «Почему “ЗИЛ” небронированный?» — то он обычно отшучивался: «Интересно, кто же это в меня стрелять-то будет, кому я что плохого сделал?»

Вопросами охраны Генерального секретаря ЦК КПСС занималось Девятое управление КГБ СССР. Оно существует и сейчас, занимается, насколько я знаю, теми же самыми вопросами. Леонид Ильич имел небольшую охрану. Когда он ездил в зарубежные командировки, она усиливалась, но и принимающая сторона, в свою очередь, гарантировала личную безопасность высокого советского гостя. Все поездки Леонида Ильича за границу обычно проходили достаточно спокойно, в строгом, деловом режиме, никаких нежелательных эксцессов не было. Мне думается, что Леонид Ильич пользовался определенной симпатией не только среди руководителей западных стран, но и среди их деловых кругов. Я так уверенно об этом говорю, ибо Леонид Ильич почти всегда возвращался из своих поездок переполненный самыми различными впечатлениями, и сам о многом подробно рассказывал. При нем была очень хорошая традиция: когда Леонид Ильич возвращался, все члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК собирались в здании правительственного аэропорта Внуково-2, и Генеральный секретарь ЦК КПСС по свежим следам делился своими впечатлениями. Тогда же принималось решение: принять к сведению информацию товарища Брежнева, одобрить итоги его визита и провести конкретные меры по таким-то и таким-то вопросам. Соответствующие ведомства тут же получали соответствующие указания. В зависимости от общего настроения и усталости Леонида Ильича эти встречи длились когда час, когда больше часа. Сразу скажу: мне ни разу не приходилось бывать в зару-

бежных командировках вместе с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Об этом не могло быть и речи. Виктория Петровна ездила вместе с Леонидом Ильичом за рубеж всего один или два раза, да и то лишь в тех случаях, когда этого требовал протокол. <...>

На мой взгляд, Леонид Ильич был очень мужественным человеком. Уже где-то в возрасте 70 лет врачи удалили ему в области паха то ли осколок, то ли свернувшуюся землю с времен войны. Врачи говорили, что ему нужно полежать несколько дней, подготовиться к операции, но Леонид Ильич настаивал (и настоял!), чтобы эта операция была бы сделана сразу, уже на следующий день. В клинике Леонид Ильич пробыл недолго, и даже там он умудрялся работать, с кем-то встречался, что-то диктовал.

Очень серьезную травму Леонид Ильич получил в Узбекистане. Я думаю, что теперь это уже не может быть каким-то государственным секретом. Приехав в Узбекистан для вручения республике ордена Ленина, он вдруг (во второй половине дня) решил посетить один довольно большой авиационный завод. Для всех это было полной неожиданностью, завод, что называется, к визиту Генсека «не готовили». Естественно, всем рабочим хотелось хотя бы краешком глаза посмотреть на Брежнева, и вот, когда Леонид Ильич вошел в сборочный цех, его встретила большая толпа людей, всем хотелось пообщаться с Леонидом Ильичом или просто от всего сердца его поприветствовать. Кто-то из рабочих, человек восемь, наверное, залезли на большой и тяжелый стапель, чтобы оттуда все как следует разглядеть. И вдруг, именно в тот момент, когда Леонид Ильич находился под этим стапелем, тот рухнул на него с высоты порядка 5–6 метров. Охрана успела поднять руки, но вся эта махина со всего размаха обрушилась на головы людей, придавив и Леонида Ильича. У него была переломана ключица. Один из членов охраны получил тяжелые увечья. Все смешалось — шум, гам, крики. Охрана тут же бросилась на помощь, но Леонид Ильич сам, преодолевая боль, встал и прежде всего отдал распоряжение отправить пострадавшего охранника, молодого симпатичного парня, в госпиталь. Даже в этой ситуации он думал не о себе, а о людях. У этого парня была тяжелая травма и он тихо вскрикивал от боли. А на следующий день Леонид Ильич выступал на торжественном заседании ЦК КП, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Узбекистана, посвященном вручению республике высшей правительственной награды: рука с переломанной ключицей была искусно перевязана, блокирована новокаином, и хотя лечащий врач Леонида Ильича, умный и еще очень молодой человек, настаивал на немедленном вылете в Москву, Леонид Ильич решил не портить людям праздник и отложил

этот вылет на утро следующего дня. Потом он довольно долго находился в больнице, дело медленно шло на поправку, кроме перелома ключицы Леонид Ильич, видимо, перенес и сильное психологическое потрясение — но он был сильным человеком и даже здесь, в палате, продолжал работать, звонил по разным телефонам, очень беспокоясь за судьбы урожая 1979 года.

Кстати говоря, вручая Узбекистану орден Ленина и лично очень хорошо относясь к Шарафу Рашидовичу Рашидову, Генеральный секретарь ЦК КПСС даже в этом, казалось бы, сугубо праздничном докладе подверг Рашидова определенной критике. Но что это была за критика? Я бы назвал ее так: «брежневская». Леонид Ильич, как никто другой, умел так журить людей, что они на него никогда не обижались. <...> Несколько сложнее складывались его отношения с прибалтами. Насколько я помню, Леонид Ильич ни разу не был в Прибалтике ни с рабочими визитами, ни на отдыхе. Трудно сказать почему. Те процессы, которые теперь происходят в Прибалтике³, тогда не чувствовались, если они и были, то лишь в «зародыше». Но Леонид Ильич все-таки отдавал некоторое предпочтение закавказским республикам и Средней Азии. А в Прибалтику ездили другие руководители, в первую очередь Андропов. Зато мне не раз приходилось быть свидетелем того, как хорошо Леонид Ильич отзывался об Алиеве, Шеварднадзе и Рашидове. Они во многом дополняли друг друга. <...> Сейчас все накинудись на Алиева за то, что он в Азербайджане преподнес Леониду Ильичу очень красивый и дорогой перстень. Сначала об этом перстне говорил Гдлян, потом взялись за дело журналисты. Уже здесь, в колонии, я читал не одну публикацию на эту тему. Сам Алиев в интервью, которое я тоже читал, говорит, что никакого перстня он Леониду Ильичу не дарил. Но Алиеву никто не верит. Я же свидетельствую, что он говорит правду: этот перстень в день семидесятилетия Леониду Ильичу подарил его сын Юрий. И этот перстень быстро стал любимой игрушкой — ведь сын подарил! — уже немолодого Генсека. Когда я работал в МВД, у нас, насколько я помню, не было никаких сигналов, что Алиев злоупотребляет своим служебным положением. Были ли такие сигналы в КГБ и Прокуратуре, я сказать не могу.

Именно в Крыму, кстати говоря, я непосредственно наблюдал как Леонид Ильич работает. Его рабочий день начинался здесь в восемь утра. С помощником или двумя помощниками он уходил в свой кабинет, созванивался с теми руководителями крайкомов и обкомов, где имелись хорошие виды на урожай. Леонид Ильич всегда был противником повышения цен на хлеб, хотя некоторые члены Политбюро на этом настаивали. Он говорил: «Пока я жив,

хлеб в стране дорожать не будет», и всегда очень переживал из-за положения с урожаем. То есть в Крыму Леонид Ильич работал так же плотно, как и в Кремле. А я просто удивлялся: зачем такой отдых нужен? Да и отдых ли это? Леонид Ильич купался часов до восьми утра, плавал он великолепно, по полтора-два часа держался на воде, правда, в последнее время уже начинал уставать и поэтому старался не злоупотреблять водой. Он обычно делал легкую гимнастику, иногда принимал оздоровительный массаж. Потом, как я уже говорил, уходил в свой рабочий кабинет, и так было до самого обеда.

Вечером — встречи с иностранными лидерами. К ним тоже надо было готовиться. Я видел, как он уезжал на эти встречи, какие папки с бумагами были у него в руках. После таких бесед он обычно возвращался очень уставший. Они проходили где-то неподалеку: кажется, это была бывшая дача Сталина. А возвращался он только к программе «Время», которую обязательно смотрел, ужинал, — и сразу шел отдыхать.

<...>

Он очень любил охоту. И никто Леониду Ильичу медведей к дереву веревками не привязывал! Жюль Верн, я думаю, не поверил бы, узнав о том, что у нас пишут сейчас разные болтуны и фантасты! В Подмоскovie есть много хороших мест для охоты, но это не заповедные «зоны» для членов Политбюро, о чем сегодня опять-таки столько разговоров, это обычные охотхозяйства, причем — с не «закрытой», а с неогороженной территорией, ибо территорией для охоты был весь лес, куда хочешь, туда и иди, добывая зверя. А перед тем, как приехать, нужно было обязательно обратиться в Росохоту и купить лицензию на отстрел. На кабана она стоит одну сумму денег, на оленя — другую. И никакие официанты или официантки там тебя хлебом-солью не встречают, это лес, продукты нужно было привозить с собой, что привез, то и покушал. Если удалось убить кабана или оленя, — так тебе его пожарят. Вот и все! Леонид Ильич обычно ездил в Завидово, это где-то около 150 километров от Москвы по Ленинградскому шоссе. Не могу сказать, кому принадлежало это охотхозяйство, кто его содержал, было ли оно на балансе ЦК. Просто не знаю. Но все дело в том, что и пребывание в охотхозяйстве Леонида Ильича тоже сочеталось с государственной работой. Скажем, Киссинджер в своих воспоминаниях прямо писал, что Завидово было рабочей резиденцией Генерального секретаря ЦК КПСС.

<...>

В тот момент, когда Леонид Ильич выходил на охоту, не было, разумеется, егерей, стоявших за соснами, никто не подкидывал

вверх глухарей или уток, чтобы Леонид Ильич их подстрелил. А у нас в газетах теперь пишут именно так. Можно спросить у любого егеря и он — я уверен — обязательно скажет, что это была самая настоящая спортивная охота, что зверей в Завидове специально для Брежнева никто не разводил. А то, что зимой здесь подкармливали кабанов и оленей, приходивших из леса, так это были естественные кормушки без вольеров.

<...>

* * *

Сейчас много пишут о коварстве Леонида Ильича Брежнева, о том, что он расправлялся с неудобными ему членами Политбюро так просто и быстро, что они, как говорится, не успевали даже глазом моргнуть. Одну из таких историй недавно поведал Петр Ефремович Шелест, бывший Первый секретарь ЦК КП Украины. Подгорный якобы ему рассказывал: «Я сижу на пленуме ЦК, Леня рядом, все хорошо, вдруг выступает из Донецка секретарь обкома Качура и вносит предложение, считаю, что целесообразно совместить посты Генсека и Председателя Президиума Верховного Совета. Я обалдел. Спрашиваю: “Леня, что это такое?” Он говорит: “Сам не пойму, но, видать, народ так хочет, народ...”»

Что я могу сказать? Не знаю, кто там «обалдел», кто нет, но такого человека, как Подгорный, можно было бы освободить и раньше, здесь Леонид Ильич, я считаю, проявлял излишнюю мягкость и терпел, как говорится, до последнего. Что же, Леонид Ильич был виноват, что с годами Подгорный стал совсем не тем Подгорным, которого Леонид Ильич знал и ценил когда-то? Думаю, что историки еще напишут как о Подгорном, так и о других «обиженных» Леонидом Ильичом — к ним, кстати, относится и Шелест. Если человек обижен, разве он может быть объективен?

Кроме того, мы почему-то не учитываем, что членов Политбюро освобождал не сам Леонид Ильич, это было решение Пленума ЦК КПСС. <...>

К сожалению, и среди бывших членов Политбюро сегодня есть люди, которые исключительно из конъюнктурных соображений откровенно спекулируют своими отношениями с Леонидом Ильичом. «Брежневу я так и сказал: ты плохо кончишь», — гордо заявляет в своих интервью тот же Шелест. Вот как? Чем же сам Шелест, в таком случае, был лучше тех, кого он сегодня ругает? По-моему, если уж и отвечать, то всем вместе. Так оно будет честнее.

Сейчас нас заставляют поверить, что при Леониде Ильиче заседания Политбюро были чистой формальностью и шли в среднем по 15–20 минут. К сожалению, об этом говорится и с высоких три-

бун. Мне за редким исключением не доводилось присутствовать в Кремле на заседаниях высшего политического органа страны. Но государственные вопросы — и это знает каждый работник центрального аппарата — здесь быстро и наспех никогда не решались. А когда, скажем, разворачивались события в Афганистане, Леонид Ильич вообще провел несколько бессонных ночей. Это были непростые дни. Я понимаю: сейчас об Афганистане много написано, кажется, нет такой газеты, которая обошла бы вниманием эту тему, и тем не менее я не склонен думать, что широкие массы читателей, например, до конца знают те обстоятельства, которые предшествовали вводу в Афганистан ограниченного контингента войск Советской Армии.

<...>

Рабочий день Леонида Ильича обычно заканчивался в половине девятого, может быть — чуть раньше. От Кремля до дачи было 25 минут езды, он приезжал к программе «Время», потом читал газеты, если не успевал проглядеть их утром, ужинал и шел отдыхать. По утрам за завтраком он читал «Правду», «Московскую правду», листал «Комсомолку», реже — «Советскую Россию». По вечерам читал «За рубежом», сатирические издания, какие-то публикации в «Крокодиле» весело комментировались и обсуждались.

Между дачей и Кремлем регулярно работала фельдсвязь. Обычно какие-то важные деловые бумаги поступали к Леониду Ильичу на подпись именно вечером или рано утром. Если требовалось срочное решение, то они доставлялись прямо на дачу. Леонид Ильич не заставлял себя ждать и принимал решение немедленно. Иногда он с кем-то советовался, скажем — с Громыко или Андроповым, но обычно он всю ответственность брал на себя. В жизни страны и особенно за рубежом случалось всякое. В таких ситуациях информация немедленно поступала к Леониду Ильичу, приходилось его будить иногда — хотя и редко — даже среди ночи. Да и так не было, пожалуй, вечера, чтобы Леонид Ильич, уже после ужина, не поговорил бы с кем-нибудь по «вертушке». Все члены Политбюро, министры, работники центрального аппарата знали, что Леонид Ильич обладал достаточной работоспособностью. Она понизилась только в последние годы. <...>

В общем середина 70-х годов — это было хорошее, интересное время, Леонид Ильич чувствовал себя хорошо, почти не болел, был очень добрым, мягким, разговорчивым человеком (если, конечно, на работе все было как надо и не возникали какие-то острые проблемы). Он поддерживал хорошие контакты с товарищами военных лет, они приезжали к нему на дачу или на работу, а иногда он от-

кликался на их приглашения, и тогда эти встречи переносились в Центральный Дом Советской Армии. Но они были не только там. После таких встреч он приезжал очень поздно, в хорошем расположении духа, делился впечатлениями — я знаю об этих встречах с его слов, я на них не был, да и делать мне там было нечего, у каждого, как говорится, свое место.

<...> Я не помню, чтобы по вечерам к нему на дачу приезжали бы в гости деятели литературы и искусства. Все-таки он очень уставал на работе. Тем не менее из разговоров с Леонидом Ильичом я делал вывод, что многих представителей литературы и искусства он знает и относится к ним с большим уважением. Ему нравились песни Пахмутовой и Добронравова, он с удовольствием слушал Кобзона, в какой-то мере — Лещенко, особенно его «День Победы». Леониду Ильичу вообще очень нравились песни военно-патриотической тематики. С большой симпатией он всегда говорил о Зыкиной, особенно о ее лирическом репертуаре. Ему было очень приятно, когда на одном из правительственных концертов, транслировавшемся по Центральному телевидению, Людмила Георгиевна исполнила — в общем, конечно, прежде всего для него — «Малую землю». Ему нравилась София Ротару — и исполнением, и своей внешностью; Леонид Ильич был уже немолод, но, как и все мужчины, наверное, ценил женскую красоту. В основном он слушал песни по телевидению и радио; я что-то не припоминаю, чтобы он особенно увлекался грампластинками.

<...> Леонид Ильич любил Геннадия Хазанова — я только не понимаю, зачем сегодня Геннадий Викторович Хазанов в своих выступлениях так неудачно, на мой взгляд, копирует Леонида Ильича и рассказывает (на эстраде) старые анекдоты про Брежнева, многие из которых, кстати говоря, Леониду Ильичу были известны. Они вызывали у него разве что добродушную улыбку. Все видели (по телевидению), что Хазанов принимал участие в торжественных правительственных концертах, где был и Леонид Ильич; его всегда очень хорошо и по-доброму принимали, никто его «не закрывал», никто ему не мешал — сейчас же, пользуясь тем, что изменилось время, этот любимый народом артист эстрады публично высмеивает какие-то недостатки Леонида Ильича и прежде всего — его специфическую речь. Спрашивается: нужно ли делать это достоянием многомиллионной аудитории? Мне кажется, это не совсем этично. У каждого человека есть свои пороки и слабости. Ну давайте теперь будем «полоскать» Леонида Ильича за то, что в последние годы жизни он тяжело ходил, часто болел... Только сам Леонид Ильич скрывал свои болезни. <...>

Не помню, выступал ли на этих концертах в Кремле Жванецкий. А вот Петросян принимал в них самое активное участие. Тут надо сказать, что Леонид Ильич не устраивал в Кремле банкеты по случаю своего дня рождения. Это было единственный раз, когда ему исполнилось 70 лет.

<...>

Однажды, еще в 1986 году, в «Московской правде» (причем в двух или трех номерах подряд) появилась статья, до глубины души возмущившая всех родных и близких Леонида Ильича. По степени клеветы, возводившейся на покойного Генерального секретаря ЦК КПСС, она надолго опередила многие последующие публикации. Ее автор (не помню сейчас фамилию) подробно рассказывал, как Леонид Ильич Брежнев спаивал собственную охрану. В его пересказе это выглядело так: отправляясь по пятницам на «уик-энд», Леонид Ильич торжественно сообщал охраннику, что у него в кармане «есть рубль», — он вынимал его и показывал. Это означало, что Леонид Ильич предлагает охраннику и шоферу «сообразить на троих». Я еще помню, что автор статьи язвил по этому «поводу»: оказывается Леонид Ильич, бесконечно далеко оторвавшийся от своего народа, не знал, бедный, что водка теперь стоит не 2.87 и не 3.12, а где-то около десятки. Дальше: «Отрываемся от них!» — командовал Леонид Ильич своему шоферу, имея в виду машину охраны, следовавшую за его «ЗИЛом». Они «отрывались», по пути на дачу заезжали в какой-то сельский магазин, стоявший у дороги, охранник бежал за водкой, потом их «ЗИЛ» сворачивал на лесную полянку, где охранник и шофер «тянули стакан за стаканом, а Леонид Ильич с вожделением смотрел им в рот, так как ему пить запрещали врачи и Виктория Петровна». В той же статье было написано, что эти сцены повторялись каждую неделю.

Что мы могли? Подать на автора в суд? Потребовать — уже официально, — чтобы этот человек показал бы тех самых «охранников», которые стали «жертвой» пьяного разгула Генерального секретаря ЦК КПСС? У меня был разговор с Галиной Леонидовной на эту тему. Решили «не опускаться». А статьи посыпались на нас, как град. Теперь я думаю — напрасно мы не отвечали. Надо было бы все-таки защитить честь близкого нам человека.

<...>

В 1985–1987 годах хлынула целая лавина этих статей. Интересный все-таки народ — журналисты. Как попала «горячая» тема, так давай! Значит теперь будем всех и вся полоскать. «Застойный период», «брежневщина». Галина Леонидовна реагировала молча и гневно. Кому она могла писать? Когда все превращается в самую

настоящую идеологическую кампанию, когда идет постоянный мощный «пресс», то кто же перед ним устоит? Одна — сломанная, больная женщина, другая — не может очнуться от потрясения, происшедшего с мужем, матерью, отцом. Ну о чем тут можно говорить? Через своих товарищей, занимавших различные должности в партийном аппарате, я пробовал каким-то образом влиять на приток этих статей. Но все только разводили руками — время такое, ты же видишь, что делается! Возникает только один вопрос: а зачем? Ведь государство от этого крепче не становится. Обстановка в обществе не нормализуется. Наоборот, становится все хуже и хуже. Надо же быть хотя бы элементарно мыслящим человеком: на «негативе» невозможно построить новую государственную платформу, «негатив», искусственно созданный, будет также искусственно подтачивать ее изнутри. Всегда!

Другая деталь: все подарки, которые в день 70-летия Леонид Ильич получил от делегаций республик, обкомов, крайкомов и отдельных граждан, были переданы им в Управление делами ЦК КПСС. Незначительная часть этих подарков, наиболее ему понравившихся, осталась на даче: это были удачно сделанные охотничьи трофеи, декоративные панно — но Леонид Ильич обо всем этом быстро забывал. Единственное, что он не передал в Управление делами ЦК, так это подарки, преподнесенные родственниками и близкими друзьями.

Чтобы избежать пересудов, сразу скажу, что на 70-летие мы с Галиной Леонидовной подарили Леониду Ильичу хорошие золотые запонки.

Я думаю, что и Ставропольский край тоже не оставался в стороне, но что они дарили — не знаю, в общем-то, меня это мало интересовало.

А вот сам Леонид Ильич очень любил дарить подарки — но как? У него, к примеру, была маленькая записная книжечка, в которую были внесены дни рождения всех членов его охраны, кто ее писал, я не знаю, но такая книжечка была. По утрам, если только в этот день именинник по-прежнему нес службу, Леонид Ильич обязательно ему что-то дарил, какой-то скромный памятный подарок. Мне кажется, это лишний раз говорит о его человечности. И платил он за эти подарки не из государственной казны, а из своего кармана. Он вообще за все платил сам. У Леонида Ильича не было, насколько мне известно, «открытого счета» в банке, как об этом — зачем? — пишут сегодня наши газеты. Не знаю даже, получал ли он маршальские деньги, по-моему, нет. А зарплата у Генерального секретаря была, надо признаться, меньше, чем у меня — с учетом моих погон и выслуги лет. С какой суммы Леонид Ильич платил

партийные взносы — не могу сказать. В шутку он мне не раз говорил, что я получаю денег больше, чем он, Генеральный секретарь ЦК КПСС. Думаю, что своя доля правды в этой шутке была...

В моем понимании Леонид Ильич был человеком общительным. Он никому не запрещал бывать у него, и все это хорошо знали. Не могу сказать, что среди членов Политбюро у него были близкие друзья, все-таки он старался поддерживать ровные отношения, но как я уже говорил, ближе всех к нему были Андропов, Устинов, Громыко и Черненко. Я никогда не спрашивал у этих людей, за что их ценил Леонид Ильич, но то, что ценил — было видно. В «домашние» часы Леонид Ильич никогда не посвящал меня в свои дела. Зачем? У меня был свой участок работы. Все остальное — лишь праздное любопытство, неуместное в том случае, если речь идет о государственных делах. То есть я могу лишь косвенно судить о том, как они общались. Разбирался ли Леонид Ильич в людях? Могу ответить утвердительно: да. Как посмотрит на тебя из-под густых бровей, так ему многое становилось ясно, и какие-то вопросы отпадали сами собой. Если человек обращался к Леониду Ильичу с какой-то разумной просьбой, и эта просьба казалась ему объективной, он помогал во что бы то ни стало. Но если же кто-то начинал приставать, то он всегда мог — достаточно твердо — поставить этого человека на место. Я уже говорил, что по отношению к семье это был очень добрый и мягкий человек — так вот эти качества распространялись и на тех людей, которые окружали Леонида Ильича. Он никогда не подчеркивал свое служебное превосходство, которым — в среднем звене — так тупо кичатся некоторые наши чиновники. Не помню, чтобы за какой-то просчет или проступок он мог одним, как говорится, махом лишить «проштрафившегося» человека всего, что он имел, если же, конечно, это были не уголовно наказуемые действия. Вот почему я утверждаю, что главная черта характера Леонида Ильича — доброта и человеческое отношение к людям.

<...>

Не могу сказать, что Леонид Ильич любил приглашать к себе на дачу гостей. Генеральный секретарь ЦК КПСС вел достаточно уединенный образ жизни. Но когда надо было посоветоваться, он обычно приглашал на дачу не одного человека, а группу людей: поужинать. Но что это был за ужин? Шел обычный деловой разговор, решались какие-то вопросы, все родственники сразу уходили из-за стола, чтобы не мешать, в том числе и Виктория Петровна. Все, без исключения. Леонид Ильич был очень щепетильным человеком в этих вопросах.

Рой Медведев написал, что моя жена имела орден Ленина. (И еще много что написал — что я был «подполковником ГАИ»,

родился в Подмоскowie — все это полностью не соответствует действительности.) Отец бы ей просто голову оторвал за такие награды. Какой орден Ленина? Она даже в КПСС никогда не состояла. <...>

По выходным дням на дачу к Леониду Ильичу приезжали — если он приглашал — только Андрей Андреевич Громыко с женой, Дмитрий Федорович Устинов, он всегда был один, и Юрий Владимирович Андропов. Не помню, чтобы приезжал Алексей Николаевич Косыгин, хотя у него с Леонидом Ильичом были достаточно хорошие отношения. Иногда на даче бывали Цвигун и Цинев, они оба являлись первыми заместителями Председателя КГБ СССР, это была старая дружба; Цвигун и Цинев пользовались особым расположением Леонида Ильича, хотя я не думаю, точнее — просто исключаю, что за спиной Андропова эти люди контролировали его деятельность в КГБ. <...>

Леонид Ильич никогда не звал людей просто так. Помню, как-то раз они с Андреем Андреевичем Громыко обсуждали вопрос о выезде из СССР. Тогда Леонид Ильич достаточно резко сказал: «Если кому-то не нравится жить в нашей стране, то пусть они живут там, где им хорошо». Он был против того, чтобы этим людям чинили какие-то особые препятствия. Юрий Владимирович, кажется, придерживался другой точки зрения по этому вопросу, но ведь многих людей не выпускали из-за «режимных соображений», это было вполне естественно. Сейчас тоже выпускают не всех. Не помню, чтобы в разговорах Леонида Ильича возникало имя Солженицына, — кажется, нет, ни в положительном, ни в отрицательном аспекте. Может быть, Щелоков что-то докладывал Леониду Ильичу о решении Вишневской и Ростроповича, с которыми был дружен, но Леонид Ильич в эти вопросы не вмешивался. Все-таки это была прерогатива Юрия Владимировича Андропова. А вот об Андрее Дмитриевиче Сахарове разговоры были. Леонид Ильич относился к Сахарову не самым благожелательным образом, не разделял, естественно, его взгляды, но он выступал против исключения Сахарова из Академии наук. Суслов настаивал, причем резко, а Леонид Ильич не разрешал и всегда говорил, что Сахаров большой ученый и настоящий академик. Какую позицию в этом вопросе занимал Юрий Владимирович, я не знаю, все-таки это были вопросы не для домашнего обсуждения. Одно могу сказать твердо: письмо Сахарова к Брежневу в домашнем кругу никак не комментировалось. Может быть, оно просто не дошло до Леонида Ильича? Трудно сказать. Но никаких разговоров вокруг этого письма не было.

<...>

Леонид Ильич имел два рабочих кабинета. Один находился в Кремле, в здании Совета Министров СССР, другой — в ЦК КПСС. То есть Леонид Ильич работал и в Кремле, и в ЦК (хотя в последнее время уже только в Кремле); все зависело от того, какие в этот момент решались проблемы. Если это были вопросы, связанные с деятельностью партии, он работал в ЦК, там находились все необходимые бумаги, и аппарат сотрудников его канцелярии был подобран таким образом, чтобы эти люди в работе не дублировали друг друга. Если — государства, то в Кремле. Там же и велись все переговоры. Леонид Ильич был очень аккуратен с бумагами, они ложились к нему на подпись только по вечерам, тут был строгий порядок, который не нарушался. С бумагами Леонид Ильич всегда обращался очень педантично. На рабочем столе ничего лишнего — только все необходимые «атрибуты» — телефоны, большие часы, пепельница, рядом сигареты. Он всегда курил «Красную Пресню» или «Новость» (и не какие-то специально изготовленные, а в обычном исполнении, через мундштук). Леонид Ильич смеялся над молодежью, если мы, допустим, курили заморские сигареты; он иронично к ним относился, говорил: «От них не накуришься», для него они были просто слабенькими. Леонид Ильич курил очень много, несколько раз бросал, потом начинал снова и в последние годы выкуривал по полторы-две пачки в день. Случалось — натошак, перед завтраком; Виктория Петровна пыталась бороться, но это было бесполезно — здесь она терпела сокрушительное поражение, ее вежливо просили не говорить на эту тему и не вмешиваться. А если двух пачек не хватало, Леонид Ильич иногда занимал у охранника. У каждого члена охраны (даже некурящего) обязательно была пачка сигарет для Леонида Ильича. Иногда он забывал свои сигареты на даче, и если в машине хотелось покурить, то приходилось обращаться к кому-то из сопровождающих. Не останавливаться же у того сельмага, о котором писала «Московская правда», и стрелять у прохожих! Когда Леонид Ильич умер, на тумбочке у кровати так и остались сигареты с зажигалкой...

Так вот, сигареты всегда лежали на его рабочем столе и в комнате отдыха. На приставном столике обязательно стояли бутылки с водой. Не знаю, проводились ли в этом кабинете заседания Политбюро, думаю, что нет, хотя сам кабинет был достаточно просторный и большой. А комната отдыха находилась сзади.

В приемной всегда дежурили технический секретарь и кто-то из сотрудников охраны. Секретарь работал круглые сутки. Не знаю, сколько людей Леонид Ильич мог принять в день,

мы с ним на эту тему не разговаривали, но он очень любил разговоры с людьми, нуждался в них, видя в самих людях лучший источник информации. Все было достаточно демократично. Разумеется, когда посетители входили к Леониду Ильичу, их никто не обыскивал, они могли взять с собой что угодно, любой портфель, то есть — надо правильно понять — охранник в приемной был просто на всякий случай, так сказать, хотя никогда ничего не случалось. Леонид Ильич пользовался отдельным подъездом — вот, пожалуй, единственная «привилегия», которая у него в этом смысле действительно была.

<...>

* * *

Я только раз в жизни говорил с Леонидом Ильичом о Сталине. Иногда я спрашиваю себя: почему Брежнев не повторил Хрущева в плане развенчания «культа личности»? Думаю, здесь есть по крайней мере две причины. Во-первых, Леонид Ильич прошел войну с самого начала и до 9 мая 1945-го. Как и каждый боец, он был «заряжен» на победу, а олицетворением этой победы тогда для всех без исключения был именно Сталин. Конечно, это сказалось и на Брежневе. А во-вторых, XX съезд КПСС уже высказал отношение партии к Сталину. Решения этого съезда в «эпоху Брежнева» никто не отменял, просто все было нормально и спокойно, никто Сталина не возвеличивал, но никто его и не затапывал. Не было такого драматизма, ажиотажа и спекуляции вокруг имени бывшего руководителя страны, как сейчас. Но ведь при Брежневе никто не осуждал и другой «культ» — Хрущева. А это был именно культ. Тем не менее никто не трубил о каких-то ошибках Хрущева, не твердил со страниц газет и журналов об «эпохе волюнтаризма». Каждый лидер партии и государства имеет право на ошибку хотя бы потому, что он не только лидер, но и человек.

Были ли свои слабости у Леонида Ильича? Конечно, были. Что я имею в виду? Скажем, его страсть к наградам. Эту страсть, почти болезнь, видели все. Для меня ясно, что в этом вопросе Генеральный секретарь ЦК КПСС должен был бы, конечно, вести себя скромнее, и я — признаюсь — говорил об этом Леониду Ильичу. Как-то раз, пользуясь тем, что он был в хорошем расположении духа, я в очень осторожной и деликатной форме повел с ним разговор на эту тему. Леонид Ильич меня не понял. «Я, — говорил он, — не просил эти “звезды” у партии». «Кто же будет отказываться, — отвечаю, — если предлагают? Но, наверное, не надо бы, чтобы предлагали». Леонид Ильич промолчал. По-моему, этот разговор шел после присвоения ему звания маршала. Но во второй раз

подобные вопросы не задаются. А потом мне и жена сказала: «Ну что ты раздражаешь человека, зачем это надо?» Тут уже я промолчал. А у него это действительно была слабость. И находились люди даже из членов Политбюро, скажем — Суслов, которые по-своему играли на этой «струнке» Леонида Ильича. И не без пользы для себя. А Леонид Ильич это не видел — или не хотел видеть, не знаю. Но никогда не появлялся на людях при полных орденах.

История — это та самая наука, которая со временем все поставит на свои места. Я где-то читал или слышал, что история есть величайший хирург; по-моему, так говорили древние. Обидно другое. Только у нас в стране хают бывших высоких руководителей. При жизни захлебываемся от аплодисментов, а стоит человеку уйти из жизни — или просто на пенсию — как мы тут же начинаем вытирать об него ноги и изгаляемся над ним на все лады. Да порядочно ли это, на самом-то деле?! Почему в той же Америке так не бывает? Или мы просто уже не люди?

